

РАССКАЗЫ О СЕБЕ В РОССИИ XVIII ВЕКА КАК СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ (ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ КЛАССИФИКАЦИИ)

© 2016

Ю.П. Зарецкий

Наша литература XVIII века, сравнительно с другими, бедна записками современников, и этот недостаток налагает на нас обязанность дорожить как этими памятниками, так и всем тем, что может дополнить или объяснить их.

П.П. Пекарский [8, с. 55]

Русские автобиографические сочинения XVIII века: известные, малоизвестные и совсем неизвестные

Русский XVIII век оставил нам значительное число сочинений автобиографического содержания, и сегодня о них известно гораздо больше, чем во времена П.П. Пекарского¹. Некоторые из этих сочинений, созданные авторами, что принадлежали к интеллектуальной элите и/или правящей верхушке, и обладающие литературными достоинствами, не раз переиздавались. Другие, безыскусно повествующие о жизни “обыкновенного человека” (представителей мелкопоместного дворянства, чиновничества, духовенства, купечества, крестьянства), в большинстве своем либо опубликованы в малотиражных изданиях позапрошлого века, либо до сих пор остаются неизданными. А сотрудники Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и исследователи, хорошо знакомые с его фондами, не устают повторять, что через их руки проходят тысячи никому, кроме них, не известных личных свидетельств, созданных “маленькими людьми”.

Между тем последние два-три десятилетия отмечены заметным ростом интереса к ранним русским автобиографическим текстам — как профессионального сообщества, так и широкой

**МЕРА ВСЕХ
НАУК**

**Зарецкий
Юрий
Петрович** —

доктор исторических наук, профессор факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. В журнале “Человек” опубликовал статью “Рудольф Деккер, историк” (2016, № 5). E-mail: yzaretsky@hse.ru

Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№ 16-05-0001) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2016 году с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов РФ в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

¹ См. на с. 104.

103

публики. Свидетельством тому, помимо десятков книг и сотен статей², служат многочисленные публикации сочинений мемуарно-автобиографического характера. Здесь можно назвать серию “Россия в мемуарах” издательства “Новое литературное обозрение” и публикации в выходящем с 1991 года альманахе “Российский Архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX веков”. Примером роста общественного внимания к рассказам русских людей о себе может служить и появление любительских интернет-ресурсов, содержащих полнотекстовые версии автобиографий, мемуаров и дневников [13; 14; 12].

Рост автобиографической продукции в России XVIII века и его причины

Не раз отмечавшееся исследователями стремительное увеличение числа автобиографических свидетельств с началом Петровских реформ в России было связано с вызванными этими реформами глубокими социальными и культурными переменами. В частности, с изменением социального состава российского общества, распространением грамотности, развитием писцового дела, науки, увеличением тиражей и разнообразия печатной продукции, изучением иностранных языков и тем, что ныне обозначают понятием “трансфер европейской культуры”. Очевидно, что приведенный перечень далеко не исчерпывающий, как и то, что в исторической действительности XVIII века социальные процессы, способствовавшие появлению автобиографических свидетельств, были тесно связаны и взаимообусловлены. Рассмотрим в качестве примера один из них — рождение новой модели образования и воспитания российской знати.

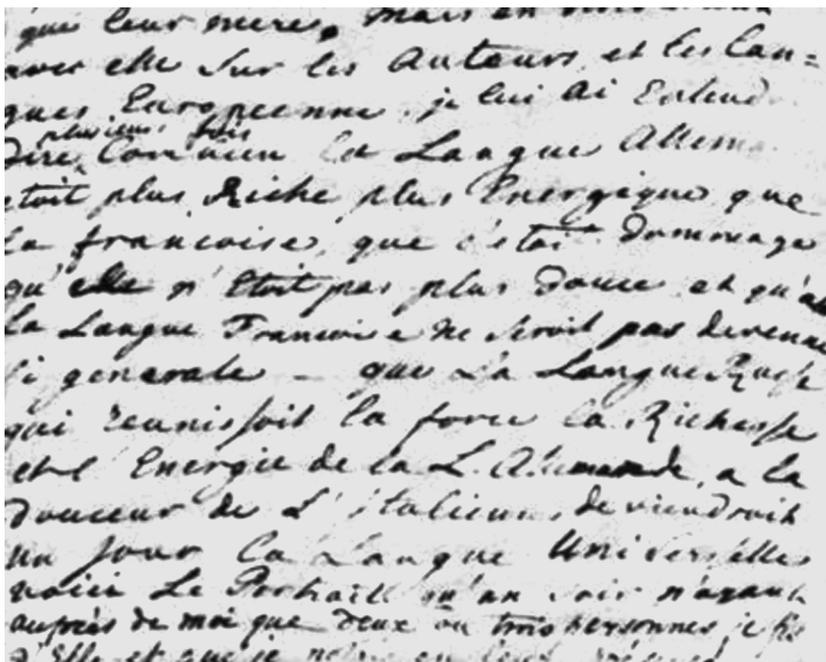
На том, что русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII века появилась под влиянием упомянутой модели, настаивал еще П.П. Пекарский. Основываясь на “записках” русских людей, он нарисовал выразительную картину того, как новые “способы и методы воспитания” стимулировали появление данной литературы [8, с. 57].

До начала XVIII столетия, отмечал исследователь, “все образование заключалось почти исключительно в твердом познании Священного Писания” [там же, с. 60]. Положение дел стало меняться только после того, как Петр I начал отправлять дворянских отпрысков учиться за границу и возникла мода приглашать иностранных гувернанток и гувернеров в дома русской знати — “в высших и средних слоях общества явилась потребность воспитывать так, как это заведено было в других европейских государствах” [там же, с. 83]. В результате сложилось своеобразное представление о должном образовании дворянина, в котором место чтения Священного Писания на церковнославянском заняло изучение иностранных языков (в основном французского)³. Результаты реализации новой образовательной модели ока-

¹ Пекарский Петр Петрович (1827–1872), исследователь русской литературы и истории, библиограф, академик.

² См., напр., диссертационные исследования общего характера: [1; 15].

³ Сегодня о франкофонии в России XVIII — середины XIX века имеется обширная литература. См., в частности, новейшие исследования в сборнике [18] и подборку статей [19].

Ю. Зарецкий
Рассказы о себе
в России
XVIII века как
социальные
практики

Фрагмент
рукописи мемуаров
Е.Р. Дашковой
(1743–1810)

зались настолько радикальными, что спустя несколько десятилетий верхушка дворянства (во всяком случае, его часть) стала знать французский лучше родного русского. Так, вернувшийся в 1730 году в Россию из Парижа В.К. Тредиаковский некоторое время писал по-русски со многими галлицизмами. Е.Р. Дашкова же, в 16 лет выйдя замуж и переехав в 1760 году в Москву в дом мужа, столкнулась с неожиданной трудностью: “...говорила очень дурно по-русски, и к моему затруднению, свекровь моя не знала никакого другого языка” [цит. по: 8, с. 78]. Именно это обстоятельство, по свидетельству Екатерины Романовны, и понудило ее учить родной язык.

Разумеется, новая образовательная модель встречала сопротивление, а “люди небогатые, лишённые способов и возможности подготавливать детей дома, заботились только о том, как бы поскорее записать их в службу” [там же, с. 82]. Однако такое отношение не могло изменить общую тенденцию. Как заключает историк, “в XVIII веке у нас смотрели на иностранные языки (особливо на французский) не как на средство, но как на цель, а самое образование вовсе не было насущною потребностью, были только нужны люди, которые могли бы, по мере сил и возможности, приводить в исполнение идею Петра Великого — сближение России с Европою” [там же, с. 84].

Механизмы, с помощью которых названный способ сближения с Европой оказывал влияние на появление мемуарно-автобиографической продукции, нетрудно представить: литературные образцы, по которым русские дворяне учились иностранному языку (значительную их часть составляли письма

и дневники), стали моделями для их собственных литературных упражнений. Показателен в этом смысле тот факт, что в конце XVIII — первой половине XIX века в России появился целый корпус сочинений на французском языке [см.: 3], часть которого составили дневники и воспоминания, написанные в полном соответствии с тогдашними французскими жанровыми канонами⁴. Впрочем, французские сочинения не были единственным образцом для русских дворян: жизнеописания Б.И. Куракина, А.Т. Болотова и других авторов XVIII века свидетельствуют, что европейски образованные русские люди были знакомы также с немецкой, английской и итальянской мемуарно-автобиографической прозой.

Традиционные способы систематизации автобиографических свидетельств, их критика и новые предложения

Осмысление разнообразия и систематизация корпуса русских автобиографических свидетельств XVIII века (как, впрочем, и западноевропейских) представляют большие трудности, ведь они очень отличаются друг от друга не только по содержанию, но и по форме, размеру и стилю. Наиболее распространенной является литературоведческая классификация, основанная на принадлежности автобиографических текстов к тому или иному жанру (автобиография, дневник, мемуары, письма, путевые заметки). Одновременно используется и другая, в основе которой лежит отнесение авторов к той или иной социальной группе (государственный деятель, генерал, княгиня, дворянка, купец, помещик, священник, чиновник, крестьянин). Однако обе классификации малоинформативны. Главный недостаток первой состоит в том, что она не принимает в расчет огромный массив сочинений, не обладающих значимой литературно-эстетической ценностью. Во второй же социальной принадлежности авторов не имеет прямой связи с формой их нарративов (дворянка или чиновник, например, могли создавать как дневники, так и автобиографии, путевые заметки и т.д.).

В последнее время исследователями предложены новые способы осмысления автобиографических свидетельств, основанные на иных принципах. В большинстве случаев эти способы разработаны на западноевропейском материале раннего Нового времени, однако вполне могут быть применимы и к русским реалиям. Один из таких способов предлагает акцентировать внимание на том, что автобиографические тексты по сути своей есть специфические коммуникативные акты, происходившие в конкретных исторически и социально обусловленных ситуациях. А поскольку подобные ситуации воспроизводились и повторялись, то автобиографические тексты предлагается рассматривать как особого рода социальные практики⁵.

⁴ Исследование о дневниках русских дворянок на французском языке, а также их публикацию см.: [20].

⁵ Взгляд на автобиографические тексты как на продукты, порожденные конкретными условиями социальной действительности, конечно, не нов, в особенности когда речь идет о домодерной Европе. Исследователями выделены в отдельные группы домашние хроники и записные книжки, которые флорентийские пополаны XV–XVI веков адресовали своим потомкам, протестантские свидетельства религиозного пробуждения, рассказы подсудимых на инквизиционных процессах и т.д. (см., напр: [25; 24; 17]). Однако до недавнего времени эти тексты почти исключительно рассматривались как специфические исторические источники либо как формы, предшествующие современному автобиографическому жанру.

Ю. Зарецкий
Рассказы о себе
в России
XVIII века как
социальные
практики

Б.И. Куракин
(1676–1727),
автор сочинения
“Жизнь князя
Бориса Куракина
им самим
описанная”.
Гравюра Питера
ван Гунста
(1658/9–1732)

Теоретический подход, который условно можно обозначить формулой “автобиографии как социальные практики”, впервые был разработан Г. Янке на материале немецкоязычных сочинений женщин раннего Нового времени [21]. Впоследствии немецкая исследовательница выдвинула гипотезу о применимости подхода для изучения личных свидетельств также и более позднего периода [22, р. 71; см. также 23]. Чтобы лучше осмыслить документы такого рода, Янке предложила сосредоточить внимание на самой ситуации написания текста, на процессе коммуникации, “на *времени, в котором писали авторы, а не на времени, о котором они писали*” [22, р. 67]. В этом случае, полагает исследовательница, автобиографические свидетельства выступают как поступки, совершенные их авторами, а сами авторы — не как абстрактные индивиды (что считается само собой разумею-

МЕРА ВСЕХ НАУК

Портрет
Н.Б. Долгоруковой
неизвестного
художника
середины
XVIII века

щимся при традиционном взгляде), а как общественные существа, принадлежащие конкретной социальной, профессиональной, религиозной, гендерной группе и действующие внутри определенных социальных контекстов и связей. Такое изменение перспективы приводит к принципиально важным историческим, методологическим и теоретическим последствиям. “Во-первых, — утверждает Янке, — мы больше не можем продолжать рассказывать историю рождения западного индивида (по крайней мере, в связи с автобиографическими сочинениями). Во-вторых... мы должны будем рассматривать контексты, ситуации и стратегии. В-третьих... такой подход будет также иметь последствия для нашего понимания автобиографии как литературного жанра, являющегося частью широкого поля различных способов автобиографического письма и непосредственно включенного в важные социальные связи” [ibid., p. 71].

Предварительные наброски

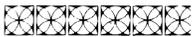
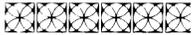
Если, применив формулу Г. Янке, попытаться обозначить социальные практики, порождавшие автобиографизм в России XVIII века, то можно убедиться, что их перечень доста-

Како скоро вы с Моем поехали с
талае и воуражание пришло на Моем уны
ние и какъ съспяющею была голова
Моя безпокойны мыслями каждакоже это
чужде с тои тятости къ Оуму Кляий
неко на земли съже безпокойные мыслями
сипте пришло мие на Моемъ это вы
всегда Моем просили что бы по себе с
та вика на Моемъ Оуму что мие
мие слыдало въ Оуму Моем до томокоже
метти и каи мие сръствомъ и Оуму прово
дла хатта ака сдвоиче сдствена и доуиче
а дуало воудовствва ваше хатта ваче
те мие уопешитъ и Оуму ваше или
двобитства и полнитъ когда ттобу
дикте согу утади и слабосте Моего
Оуму доуититъ хатта и ии мие
Много писатъ но ваче прощине Мит

Ю. Зарецкий
Рассказы о себе
в России
XVIII века как
социальные
практики

Первая страница
“Своеручных
записок”
Н.Б. Долгоруковой
(1714–1771)

точно пространен. Помимо дневников и мемуаров, написанных российскими вестернизированными аристократами и аристократками, в него войдут: автобиографические “сказки”, так необходимые для установления личности человека (принимаемого на службу, подсудимого в ходе дознания, и т.д.); наставления глав семейств разных сословий, обращенные к их детям и внукам; письменные свидетельства очевидцев о важных исторических событиях, призванные запечатлеть их в памяти будущих поколений; описания собственного жизненного пути духовными лицами, наставляющие паству на путь истинный; завещания-уставы основателей монастырей, в которых автобиографическая часть служила увековечиванию их памяти; дневниковые записи помещиков, адресованные ближайшим потомкам и содержащие сведения о каж-

додневных хозяйственных делах вперемешку с делами семейными, политическими событиями и удивительными происшествиями. Некоторые из перечисленных практик в последнее время стали предметом живого интереса исследователей — в частности, становление автобиографической традиции в результате внедрения новой модели образования российской аристократии. Большинство же других до сих пор остаются без внимания. Остановимся на одной из них — составлении автобиографических “сказок”.

Подобная практика имеет в России давнюю традицию, начало которой восходит еще к допетровским временам. Документы, появившиеся в результате, можно считать первыми образцами той “делопроизводственной автобиографии”, которая до недавнего времени была обязательной частью личного дела служащих многих государственных и общественных организаций в России⁶.

Начиная, по крайней мере, с XVII века автобиографические “сказки” были способом идентификации личности различных категорий населения, вступавших в те или иные отношения с государством: служилых людей, уголовных преступников, беглых крестьян [см., напр.: 5]. В большинстве случаев автобиографические “сказки” составлялись со слов человека писарем, нередко в присутствии государственных чиновников. Можно предположить, что писарь или чиновник задавал направляющие вопросы, определявшие структуру автобиографического рассказа. Последняя в качестве обязательных компонентов обычно включала сведения о месте рождения и возрасте рассказчика, его родителях, сословной принадлежности, роде занятий, предшествующей службе, наличии земельных владений и крепостных. С началом Петровских реформ составление “сказок” приобрело массовый характер и распространилось на большую часть служилых людей. Во всяком случае, в XVIII веке общепринятый протокол документооборота требовал их от офицеров [10; 4; 16], студентов Московского университета, чиновников, дворян. Причем те, кто знал грамоту, писали их вручную, приближая тем самым “сказки” к нашим современным представлениям об автобиографии.

Два примера

Одним из первых известных примеров развернутой делопроизводственной автобиографии можно назвать “сказку” 1733 года будущего “малороссийского летописателя” *Степана (Стефана) Васильевича Лукомского* (1701–1779) [6, с. 477–485]. Скорее всего, “сказка” была составлена в связи с назначением Лукомского на должность помощника генерального писаря Генеральной войсковой канцелярии. В формальном отношении это то, что обычно подразумевают под автобиографией: ретроспективная история о событиях жизни человека, рассказанная

⁶ Об этих документах досоветского периода, хранящихся в архивах, см.: [11].

им самим. Отличие состоит лишь в том, что записана она не самим Лукомским, а с его слов. Вот ее начало: “1733 году, августа 29 дня, в генеральной войсковой канцелярии Стефан Лукомский сказкою показую: нациею я малороссиянин, веры христианской, благочестивого греческаго исповедания, лет от роду мне тридцать два. Родился я за Днепром, в украинском городе Умани, под высочайшою державою их императорского величества...” [там же, с. 479].

Дальше в “сказке” Степан Лукомский сообщает подробные сведения о своих предках, их земельных владениях и нелегких судьбах, неизменно заверяя в том, что его предки верой и правдой служили Российскому государству: “Дед мой Иван Лукомский и прадед (имени его не помню), козаки, родились полку лубенского, в местечку Лукомле, и тамо они имели свои грунта [земли], только жтые грунта, во время войны гетмана Богдана Хмельницкого с ляхами и ради других в тех старих годах беспокойств, отошли в другие владения. Тако ж оные дед и прадед мой имели свои грунта за Днепром в городе и около города Умани, помежние с Скоропадскими, из которых и гетманом малороссийским Иван Иллеч Скоропадский был; також с Кочубеями... и с другими бывшими тамо за Днепром владельцы. И дед мой Иван Лукомский, за тогдашними беспокойствию, из Лукомля перейшол в Полтаву и тамо в Полтаве сплодил отца моего Василья; а когда дед мой Иван Лукомский умре, а бабку мою Анну взял в жену Андрей Гайдук, а отец мой Васыль малолетен остался, и тогда Андрей Гайдук, отца моего отчим, на прадедизние и дедизние отца моего и на свои грунта перешол за Днепръ и жил на своих козачих грунтах в город Умани с отцем моим до турецкой под тим городом бывшой войны в козацкой службе...” [там же, с. 479–480].

После рассказа о предках Лукомский повествует о времени своего обучения — сначала в Киеве, где “латинские проходил школы”, а потом в Польше, где он претерпел преследования “за благочестие греческого исповедания”. Болезнь, по словам Лукомского, надолго задержала его на чужбине и по возвращении в Киев он поступил на государеву службу [там же, с. 482–483]. Далее следует обстоятельное описание прохождения им службы, сопровождающееся частыми заверениями о его преданности государыне-императрице: “А в начале 1731 году, генваря в первых числах... я низжайший, природный ея императорского величества подданный и родимец малороссийский, в генеральную войсковую канцелярию принят и в той канцелярии, в деле ея императорского величества, верно и безпорочно служа... в 1732 году ея-ж императорскому величеству я подданныйчесную верность присягал-же. А сего 1733 году марта 14... учрежден я быть в той же войсковой генеральной канцелярии старшим канцеляристом, и с бытия в оной канцелярии, даже до получения высокоповелитель-

нейшого ея императорского величества указу... служил я ея императорскому величеству со всякою верностью и ревностию без жадного порока, о чом дела ея императорского величества, в той-же канцелярии имеючися, по указам е. и. в. верного службою моего произвождение..." [там же, с. 484]. Заканчивается это автобиографическое свидетельство подписью рассказчика, заверенной писарем: "К сей сказки Стефан Лукомский руку приложил" [там же, с. 485].

Примечательно, что этот рассказ был частью личного дела Лукомского, которое производилось в 1733–1734 годах и включало также показания разных лиц, подтверждавшие правдивость сообщенных им сведений. Помимо показаний оно содержало характеристику, заверенную подписями двух представителей Генеральной старшины, в которой констатировалось, что Лукомский — "человек добрый, верный и к ея императорскому величеству не подозрительный и в службах е. и. в-ству быть достоин, годен и потребен" [там же, с. 478].

Для характеристики "жанра" русской делопроизводственной автобиографии XVIII века не менее показательны и два текста, написанные полстолетия спустя — уже собственноручно — *Александром Васильевичем Суворовым* (1730–1800). В большей степени лично окрашен первый из них, датированный 22 сентября 1786 года и отправленный автором вместе с прошением о внесении его фамилии в родословную книгу дворян Московской губернии и другими документами в Московское дворянское депутатское собрание⁷.

Как и Лукомский, Суворов начинает его со сведений о происхождении, затем приводит исчерпывающие данные о своих поместных владениях (как унаследованных от отца, так и приобретенных им самим) с подробным указанием числа крепостных обоого пола. Потом он переходит к своему семейному положению: "В 774 [1774] году взял я в супружество Варвару Иванову, дочь Князя Ивана Андреевича Прозоровскаго, Генерала Аншефа и Кавалера; имею дочь Наталью, рожденную в 775 [1775] году и определенную, по Высочайшему Ея Императорскаго Величества повелению, в Воспитательный Дом благородных девиц в Санкт-Петербурге" [2, с. 3].

Дальше идет описание прохождения Суворовым воинской службы и его участия в сражениях — как нетрудно догадаться, они составляют бóльшую часть этого автобиографического рассказа: "В службу я вступил пятнадцати лет, в 742 [1742] году, Лейб-Гвардии Семеновскаго полку мушкетером...". Помимо описаний многочисленных сражений с внешними врагами Империи, рассказ содержит и сообщение об усмирении Суворовым Пугачевского бунта. Здесь, в отличие от остальных случаев, Суворову приходится оправдываться за несправедливые, по его мнению, обвинения в жестокости: "И не стыдно мне сказать, что я на себя принимал иногда злодейское имя: сам не чинил нигде, ниже чинить повелевал, ни малейшей казни, раз-

⁷ В 1848 году этот текст публиковался трижды. В нашей статье он цитируется по изданию, подготовленному Д.П. Голохвастовым [2]. Вторая делопроизводственная автобиография Суворова от 28 октября 1790 года, также вместе с сопроводительными материалами, предназначалась для Военной коллегии при возведении его в графское достоинство с наименованием "Граф Суворов-Рымникский". Впервые опубликована в 1901 году [9].

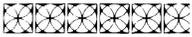
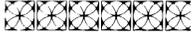
Ю. Зарецкий
Рассказы о себе
в России
XVIII века как
социальные
практики

Первое издание
автобиографии
А.С. Суворова,
написанной
в 1786 году

ве гражданскую, и то одним безнравным зачинщиком, но усмирял человеколюбивою ласковостью, обещанием Высочайшаго Императорскаго милосердия” [там же, с. 17].

В автобиографический рассказ Суворова включены также сведения о его образовании (“Что до моих наук, они состоят в Математике, части Философии, Географии, Гистории, языках: Немецком, Французском, Италианском, Польском, Турецком с малою частию Арабскаго и Персидскаго и Финском”

[там же, с. 18]) и подробный перечень милостей, полученных автором от Екатерины II, с отсылкой к соответствующим сопроводительным документам: “Я осыпан благоволениями Ея Императорского Величества, моей Всемилостивейшей Монархини, моей Матери и Матери Отечества; о Ея ко мне щедротах прилагаю при сем копии с Ея Высочайших рескриптов...” [там же, с. 18–19].

Заключительные слова автобиографической записки не оставляют сомнений, что Суворов обращался в ней не только к членам Московского дворянского депутатского собрания, но и к собственным детям и внукам: “Потомство мое прошу брать мой пример: всякое дело начинать с благословением Божиим, до издыхания быть верным Государю и Отечеству, убежать роскоши, праздности, корыстолюбия и искать славы через истину и добродетель, которая суть моим символом. Не для суеты, но для онаго я в сие плодovitое описание вошел; некия произшествия я забыл и не помню верификациев чисел и имен, не имевши у себя никогда никаких записок. Старость моя наступает, и должен я о моих делах скоро ответ дать Всемогущему Богу” [там же, с. 19].

Это наставление явно сближает историю собственной жизни, отправленную Суворовым членам Московского дворянского депутатского собрания, с “настоящими” автобиографиями его времени. Примечательно в этой связи, что на шмуцтитуле одного из ее изданий 1848 года она так и была обозначена: “Автобиография графа Александра Васильевича Суворова-Рымникого” [7]. Похоже, это первое употребление неологизма “автобиография” в репертуаре русской печатной продукции.

Литература

1. *Антохов А.В.* Русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII в.: Генезис, жанрово-видовое многообразие, поэтика: дис. ... д-ра филол. наук. Брянск, 2003.
2. Биография Александра Васильевича Суворова, им самим написанная в 1786 году. М.: Унив. тип., 1848.
3. *Гречаная Е.П.* Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII — первая половина XIX века). М: ИМЛИ РАН, 2010.
4. *Калашников Г.В.* Учет офицерских кадров в русской армии в 1700–1745 гг. // Клио. 2000. № 3(12). С. 116–124.
5. *Коселева О.Е.* Беглые крестьяне в документах провинциальных учреждений России первой половины XVIII в. URL: <http://www.sgecr.co.uk/newsletter2015/kosheleva.html>.
6. *Лукомский С.В.* Автобиографическая “сказка” малороссийского летописателя Стефана Лукомского / сообщил О.И. Левицкий // Киевская старина. 1890. Т. 30, № 9. С. 477–485.
7. Очерк жизни и деяний графа Александра Васильевича Суворова-Рымникого. М.: Унив. тип., 1848.

8. Пекарский П.П. Русские мемуары XVIII века // Современник. 1855. Т. 50 (4).
9. Письма и бумаги Суворова из “Суворовского Сборника” Императорской Публичной Библиотеки / издал В. Алексеев. Вып. 1. СПб.: Тип. А.А. Пороховщикова, 1901. С. 3–22.
10. Рабинович М.Д. Офицерские “сказки” и послужные списки начала XVIII в. // Актовое источниковедение: Сб. ст. М.: Наука, 1979. С. 108–122.
11. Романова С.Н., Глуховская И.И. Указатель видов документов, содержащих генеалогическую информацию (XVI в. — 1917 г.) // Вестн. архивиста. 1998. № 4 (46). С. 91–103; № 5 (47). С. 109–118; № 6 (48). С. 74–84; 1999. № 1 (49). С. 80–87; № 2–3 (50–51). С. 72–74.
12. Российские мемуары XVIII века. URL: <http://mikv1.narod.ru/>
13. Российский мемуарий. URL: <http://elcocheingles.com/>
14. Русские мемуары. URL: <http://memoirs.ru/>
15. Смирнова М.А. Мемуары и дневники Петербургских купцов конца XVIII — начала XX в. как исторический источник: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.
16. Татаринов К.В. Офицерские сказки первой четверти XVIII века: Полевая армия: Сб. документов: в 2 т. М.: Старая Басманная, 2015.
17. Amelang J. Tracing Lives: The Spanish Inquisition and the Act of Autobiography // Controlling Time and Shaping the Self: Developments in Autobiographical Writing since. 1750 / ed. A. Baggerman, R. Dekker, M. Mascuch. Leiden: Brill, 2011. P. 33–48.
18. European Francophonie: The Social, Political and Cultural History of an International Prestige Foreign-Language / ed. V. Rjéoutski, G. Argent & D. Offord. Oxford, etc.: Peter Lang, 2014.
19. Foreign-Language Use in Russia during the Long Eighteenth Century // The Rus. Rev. 2015. Vol. 74. Issue 1. P. 1–68.
20. Gretchanaia E., Viollet C. Si tu lis jamais ce journal: Diaristes russes francophones 1780/1854. P.: CNRS, 2008.
21. Jancke G. Autobiographie als soziale Praxis. Beziehungskonzepte in Selbstzeugnissen des 15 und 16. Jahrhunderts. Köln: Böhlau Verlag, 2002.
22. Jancke G. Autobiography as Social Practice in Early Modern German-Speaking Areas: Historical, Methodological, and Theoretical Perspectives // Autobiographical Themes in Turkish Literature: Theoretical and Comparative Perspectives / ed. O. Akyildiz, H. Kara, B. Sagaster. Würzburg: Ergon Verlag, 2007.
23. Jancke G., Ulbrich Cl. From the Individual to the Person. Challenging Autobiography Theory // Mapping the ‘I’. Research on Self-Narratives in Germany and Switzerland / ed. by Cl. Ulbrich, K. von Greyerz and L. Heiligensetzer. Leiden; Boston: Brill, 2015. P. 15–33.
24. Lynch K. Protestant Autobiography in the seventeenth-century Anglophone world. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012.
25. Weiland Chr. “Libri di famiglia” und Autobiographie in Italien zwischen Tre- und Cinquecento (Studien zur Entwicklung des Schreiben subersichselbst). Tübingen, 1993.